

ДАНЬ КОЩЕЮ

ОЛЬГА ОРЛОВА

Ольга Орлова

Дань Кощею. Книга первая

«Автор»

2026

Орлова О.

Дань Кощею. Книга первая / О. Орлова — «Автор», 2026

Кощей Бессмертный берёт дань скотом, золотом и людьми. В этот раз он взял меня. Мне двадцать, я младшая дочь князя, и вся моя жизнь прошла между травником и мечтами. Меня берегли, как берегут глиняную плошку: не трогай, разобьётся. А потом отдали — потому что закон древнее, чем родительская любовь. В его замке нет ни стражи, ни цепей. Только зелёный дракон во дворе, который смотрит слишком умно для зверя. И сам хозяин — красивый, злой на язык, живущий двести лет и умеющий одним словом выпотрошить человека до пустоты. Он думает, что я — плата. Еда. Тепло, которое можно забрать. Он не знает, что пустоту нельзя наполнить силой. Её можно только отдать самому. А я не знаю главного: почему он никогда не выходит в сад, пока там дракон.

© Орлова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Младшая	6
Глава 2. По закону	8
Глава 3. Замок без замков	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ольга Орлова

Дань Кощею. Книга первая

Пролог

Триста двенадцать.

Вчера было триста восемнадцать.

Я пересчитываю трижды, как обманутый купец. Триста двенадцать. В сокровищнице холодно, свеча садится, и в ряду у левой стены зияет прореха на шесть монет, как выбитый зуб.

Шесть монет. Я даже знаю какие: две гнутые с дыркой и четыре новые. Гнутые я помнил с прошлой зимы, как помнят нелюбимую родню.

На шесть монет не купишь доброй лошади.

— Значит, ехать, — говорю я вслух.

Некому возразить. В этом доме уже сто лет некому возразить, и я нахожу в этом много удобства и никакого удовольствия.

Вслух в пустом доме говорят дети и сумасшедшие. Я, разумеется, ни то и ни другое.

— Мне нужно золото.

Пустая порода. Я не покупаю ничего, кроме собственного завтра.

— Возьму людьми. Вернее.

Вот. Это прозвучало почти прилично. Почти как человек, который знает, чего хочет.

Я сажусь и пишу. Число, срок, печать.

Перо стоит над строкой дольше, чем нужно.

Потом я вписываю одно имя.

Своя рука, а смотрю на неё, как на чужую. Год назад, на дворе у Владислава, мне подали воду. Я взял чашу, поднял глаза — и девка не отвела своих. Все отводят. Двести лет все отводят.

Случайный выбор, говорю я себе. Младшая, лишняя, за неё не станут воевать. Расчёт.

Я посыпаю письмо песком и слушаю, как в доме тихо.

Свеча вверх, к чёрному зеркалу у стены. Привычка старшие трёх сотен лет.

Меня в зеркале нет.

Из черноты на меня смотрит зелёный глаз с вертикальным зрачком.

— Спи, — говорю я ему. — Завтра летим.

Он не спит. Он никогда не спит.

Глава 1. Младшая

У Прошки нога горячая, как печной бок.

Я это знаю от двери, ещё не подойдя. Захожу в людскую за квасом — и встаю. В груди тесно и тяжело, будто мне на рёбра положили ладонь.

Прошка лежит на лавке. Восемь лет, серый, молчит.

— Покажи.

Показывает.

— Не болит.

Красная полоса ползёт от колена вверх. Ещё к вечеру дойдёт до бедра.

— Болит, — говорю я. — Я знаю.

Бабка Нежда ушла в дальнюю весь и до темноты не вернётся. Мать в объезде. Я иду за сундучком.

Мою руки в трёх водах. Калю иглу до синевы, держу на воздухе, пока не перестанет жечь.

— Больно будет. Один раз, коротко. Хочешь — кричи.

— А ты правда княжна?

— Правда.

— Княжны не режут.

— Эта режет.

— Выгонят из людской.

— Закричу громче тебя. Выгонят обоих.

Он думает. Кивает.

Режу.

Он не кричит — сипит сквозь зубы, и сип проходит меня насквозь, под ребро. Я держу. Ромашка, толчёный подорожник, чистая холстина. Отвар таволги от жара.

Краснота отступает на два пальца.

— Княжна. У тебя ж дела.

Дела.

За окном людской, через двор, в тереме — отцовская горница. Закрытая с утра. Оттуда идёт низкий гул, тот самый, который в нашем доме значит: перекраивают межу.

Меня туда не звали ни разу.

Матери можно. Мать входит когда хочет и дважды на моей памяти повернула весь совет — раз словом, раз кочергой.

— Нет у меня дел, Прош. Лежи.

В саду я сижу в развилке старой яблони с бабкиным травником.

Яблоня старше меня втрое и держит меня, как держат внуку: ворчливо, но крепко. Снизу пахнет падалицей и тёплой пылью, сверху — ничем, одним светом. В травнике на каждой второй странице бабкиной рукой приписано «а лучше не надо», и я больше всего люблю именно эти страницы.

В середине книги нарисован змей, свёрнутый в кольцо, с подписью «ящер великий, по-иному дракон». Ящер похож на разжиревшего карася. Я знаю, что где-то за лесом драконы настоящие, и жалею рисовальщика: не видел, а взялся.

— Опять на дереве, — говорит мать снизу. — Двадцать лет девке.

— Тут светлее.

— Тут падать выше.

— Я держусь.

— Яблоня тоже так думала про сук, на котором ты сидишь.

Она поднимает руку. Я слезаю. Мать не просит дважды.

Она поворачивает мою ладонь к закату, видит бурое пятно на большом пальце, нюхает.

— Таволга. Кого резала?

— Прошку. Нагноилось.

— Иглу калила?

— До синевы. И остудила.

Мать молчит. Потом проводит рукой по моей косе, от затылка вниз, всей ладонью, тяжело. Так она гладит лошадей, которых хвалит.

— Руки у тебя хорошие. Не как у отца. Твой отец руками только рубит.

Во двор влетает конь.

Не въезжает — влетает, с той злой хрипотой, которая бывает, когда гонят и не жалеют.

Всадник сваливается с седла раньше, чем конь встал, и идёт к крыльцу боком.

У меня внутри делается холодно и звонко, как в пустом ведре.

— Матушка. Ему очень страшно.

Отец выходит на крыльцо сам. Гонец говорит ему что-то в три слова.

Двор молчит. Даже собаки.

— Чем? — спрашивает отец, и голос у него падает вниз и делается слышен везде.

— Человеком, княже. Одним.

Гонец разворачивает лист. У него трясутся руки, и он читает по листу, хотя выучил наизусть ещё в дороге.

— «Василиса, младшая дочь».

Двор стоит.

Первая мысль у меня — что я ослышалась. Вторая — что где-то есть другая Василиса и её жалко.

Потом мать роняет ведро, и я понимаю, что нет.

Глава 2. По закону

В горнице три свечи. Больше мать не позволила: «Не поминки».

Нас пятеро. Я сижу здесь впервые в жизни.

Двадцать лет не звали. Позвали, когда стало не о ком говорить, кроме меня.

Грамота лежит посередине стола, развёрнутая. Её никто не убирает и никто не берёт в руки.

Я читаю её вверх ногами. Число. Срок. И ниже, в одну строку, чужой прямой рукой — я.

— По закону, — говорит отец.

Он говорит это первым, до того, как кто-нибудь успел спросить.

— Дань берут с каждого, кто держит землю. Скотом, золотом, людьми. Закон старше моего отца и старше его отца. Он держит нас, как обруч бочку. Один откажет — Кощей возьмёт своё сам, огнём. А после соседи увидят, что можно.

— Так пусть берёт меня, — говорит средний. Бледный, глаза блестят, как у больного. — Я встану у его ворот. Один. Я его дракона...

— Сядь.

— Батюшка!

— Сядь.

Средний садится — так садятся, чтобы всем было видно, что сели не по своей воле. Двадцать три года ещё не тот возраст, в котором умеют не сесть.

Старший стоит у окна, сложив руки. У него двигаются брови. Он считает.

— Её можно увезти, — говорит он наконец. — К тётке в Стороже. До Покрова обвенчать, и она уже не наша дочь, а чужая жена. Пусть спрашивает с мужа.

Он говорит это ровно, как про рожь.

Обо мне в этой горнице говорят в третьем лице. Я сижу в двух шагах.

— Не увезём, — говорит отец. — Найдёт. Заплатим иначе.

— Чем? Золота у нас на две такие дани.

— Значит, на две такие дани.

Мать встаёт.

Я знаю это за минуту до — кожей.

Она снимает со стены отцовский старый меч. Тот, который на стене, не тот, который в бой.

— Никого. — Тихо. Мать умеет кричать так, что в сенях приседают. Сейчас она говорит тихо. — Слышишь, Владислав? Ни кузнеца, ни Прошкиной матери, ни последнего дурака с околицы. Я их тридцать лет лечу. Я их детей из горячки вынимала. Я не буду их считать, как овец.

— Добра.

— Не смей меня так называть, когда говоришь мне такое.

Отец берёт её за руку — за ту, в которой меч. Не вырывает. Держит.

— Не отдам — придёт и возьмёт втрое. Первыми сгорят те, кого ты лечила.

Меч опускается.

И мать плачет.

Стоит посреди горницы, высокая, с прищуренными мокрыми глазами, и не вытирает. Не замечает.

У меня под рёбрами — как рука на чужом жару. Невыносимо.

Я открываю рот и ничего не говорю.

Тут говорят громко и до конца. Я думаю слишком долго.

— Я найду другое, — говорит отец. — Четыре дня есть. Все спать.

Грамота остаётся на столе.

Выходя, средний трогает меня за плечо и говорит: «Не бойся, Васёна». Мать целует меня в голову. Старший кивает.

Никто не спрашивает меня ни о чём.

Четыре дня из наших ворот уходят гонцы.

В первый день трое — к соседям. На второй из клетки выносят окованный сундук, который в моей жизни не открывали ни разу. На третий отец велит считать стада.

Гонцы возвращаются по одному.

Он перестал со мной говорить.

Я дошиваю рубаху, начатую весной. Переписываю бабкины записи про таволгу. Хожу к Прошке — краснота ушла совсем, он показывает шрамик, как воин, и врёт дворовым, что его резали трое и держали пятеро.

Эти четыре дня стоят такие, что хоть в житие вписывай: небо высокое, яблоки падают сами, паутина по стерне лежит целыми полотнами. У серой кошки в клетки родились котята, все одинаковые, и она таскает их с места на место, будто ищет, где мир надёжнее.

Мир про меня не знает. Это обижает меня больше всего остального.

Ночью приходит мать, садится на край постели и молчит. Я гладлю ей руку.

На четвёртый день возвращается последний гонец, и сундук вносят обратно в клеть.

Отец стоит на крыльце и смотрит, как его несут. Стоит долго, уже в темноте.

Я выношу ему тулуп на плечи.

— Соседи не дали людей, — говорю я.

— Не дали.

— И золота он не взял.

Отец молчит.

В доме за нашими спинами мать не спит. Я слышу это через две стены.

— Батюшка. Я поеду сама.

Он поворачивается.

— Молчи.

— Если он придёт за мной, он сожжёт весь двор, — говорю я. — Ты будешь драться. Ваня пойдёт с тобой. Матушка пойдёт за вами. И меня всё равно увезут, только по головам.

Говорю тихо. Меня и слышно-то плохо. Но я говорю до конца — первый раз в жизни до конца, никто не перебивает.

— Ты моя дочь.

— Я знаю.

Это неправда, что я знаю. Мне хочется, чтобы он сказал ещё раз.

Он не говорит. Он садится на верхнюю ступеньку, как мужик, а не как князь, и смотрит в мокрый двор.

— Я тебя не отдаю, — говорит он наконец. — Слышишь? Я тебя не отдаю.

— Слышу.

Мы сидим рядом до холода. Он ни разу не берёт меня за руку.

Потом я ухожу в дом и в темноте, в сенях, стою и плачу — коротко, чтобы не услышали. Не от страха.

В доме стало легче дышать. Я чувствую это на всех четверых сразу.

На пятый день над двором проходит тень.

Быстро, с краю — будто что-то огромное разом заслонило половину неба и сдвинулось.

Куры сходят с ума. Собаки ложатся на брюхо и воют в землю.

Я стою у колодца с полным ведром.

Высоко вверху поворачивает крыло.

Зелёное.

В доме кричат. Отец зовёт людей к воротам, мать зовёт меня.

Под лавкой в сенях у меня третий день лежит узелок: бабкин травник, сундучок, гребень, две рубахи.

Я ставлю ведро на сруб, беру узелок и выхожу на середину двора, чтобы меня было видно сверху.

Руки трясутся так, что узелок приходится держать двумя.

Глава 3. Замок без замков

Холод. Не зимний — пустой, будто из воздуха вынули всё, кроме скорости.

Я держусь за костяной гребень двумя руками. Крик застревает в горле и остаётся там.

Я не падаю. Он летит ровно.

Потом мы входим в облако, и оно оказывается мокрой холодной шерстью. Я читала, что облака — это пар; читать и попасть внутрь — разные вещи. Наверху над облаком светло и пусто, как в чисто вымытой миске, и тени крыла бегут по белому полю снизу. Никто из моих не видел этого никогда: ни отец, ни мать, ни оба брата.

Мне страшно так, что стучат зубы. И всё-таки я смотрю во все глаза, потому что второй раз мне этого могут не дать.

Замок вырастает снизу — чёрный, на голом каменном лбу. Ни деревни, ни дыма, ни дороги. К такому дому дорога не нужна.

Дракон садится мягче, чем я жду. Я сползаю по его боку и сажусь на камни. Ноги не держат.

Поднимаю голову.

Он как церковь. Зелёная чешуя с ладонь, по ней маслянистый отблеск, будто по воде. Крылья складываются долго, с сухим костяным шорохом. Аккуратно.

Глаза зелёные, светлее чешуи. Зрачок вертикальный, узкий, как щель.

Он смотрит.

Не видит — смотрит. Склонив тяжёлую голову набок.

Фыркает. У меня взлетает вся коса.

Потом отворачивается и ложится у стены, положив голову на лапы. Как большой пёс.

Меня привезли и сдали на двор. Дальше сама.

Начинается дождь. Я иду в дом.

Дверь не заперта.

Тяну, жду тяжести, скрипа, засова. Открывается легко, как в хорошем доме, где следят за петлями.

Внутри тепло.

Я, если честно, ждала костей на полу. В сказках у таких хозяев кости, паутина и сундук с чужими перстнями.

Тёплые сени хуже костей. Горят свечи в стенных подставках, пол выметен, на длинном столе в большой палате — горшок, и от горшка идёт пар.

Каша. С маслом. Горячая.

— Здесь есть кто?

Голос уходит вверх, под свод, и не возвращается.

Я хожу по палатам. Не запирается ни одна. Лестница, коридор, пять дверей, за каждой пусто и чисто. В одной — застеленная постель, на сундуке женская рубаша. Не новая, чистая, простого полотна.

Кто-то положил её здесь до меня. Кто-то знал размер.

Возвращаюсь и пробую выйти.

Выхожу. Двором, мимо дракона — он поднимает одно веко и опускает. Ворота открыты.

За воротами камень. Голый, мокрый. Обрывается шагах в сорока.

Дальше вниз уходит такая глубина, что дно прячется в облаке.

Дождь промачивает меня до нитки, а я всё стою.

Ни цепей. Ни засовов. Ни стражи.

Некуда.

Он приходит, когда я сажусь за столом и не ем.

Шаги. Я не оборачиваюсь.

— Каша стынет.

Оборачиваюсь.

Высокий. Очень. Чёрные волосы до плеч лежат гладко, как у человека, который знает, что красив, и давно этим не занят. Белая кожа. Острые скулы, острый подбородок — всё в этом лице колючее.

Кроме глаз. Глаза ореховые, почти чёрные. Слишком внимательные для того, кому я безразлична.

— Спасибо. Я не голодна.

— Как угодно. — Он садится напротив. Не ближе. Вытягивает ноги, как человек, который весь день стоял. — Я держу кухню не для гостей. Мне нравится пар. Дом с паром похож на жилой.

— Я не гостя.

— Верно. Ты дань.

Без злобы. Так говорят «сегодня вторник».

— Меня зовут Василиса.

— Знаю. Я это имя своей рукой в грамоту вписал.

В горнице. Три свечи. Лист посередине стола, который никто не берёт в руки.

— А вас как зовут?

Он поднимает бровь на «вас».

— Кошей Бессмертный. — В голосе скука. — Так меня зовут в округе столько лет, что я и сам привык. Впечатляет?

Я смотрю в стол.

— Это не имя, — говорю я тише, чем хотела. — Это как вас бояться.

Тишина. Я жду, что сейчас будет плохо, и уже жалею.

Он молчит один вдох. Потом смеётся — коротко, сухо, будто сам не ждал, — и откидывается на спинку.

— Хорошо. Тогда расскажи, зачем ты здесь. Люблю послушать, что вам про это дома говорят.

— Я приехала сама.

Говорю и выпрямляю спину. Больше у меня ничего нет.

— Сама. — Он пробует слово на зуб. — Скажи, а если бы ты не вышла на двор с узелком — что было бы?

Я молчу.

— Я бы взял тебя с крыльца. Или из горницы. Или из-за спины твоего брата, вместе с братом. Четыре дня твой отец искал, чем тебя заменить. Золотом — я отказал в первый же день. Скотом — на второй. Соседи не дали людей. О тётке в Сторожье я знал раньше вас.

Сундук, который несут обратно в клеть.

— Зачем вы это говорите?

— Чтобы ты не жила здесь с мыслью, будто тебя кто-то спрашивал.

У меня внутри обрывается тонкая нитка, на которой я всю дорогу держалась.

— Вы меня не брали в дань, — говорю я. — Вы меня выкрали. А выбор оставили мне для красоты.

Один вдох он молчит.

— Да, — говорит он.

И я плачу.

Мать умеет хлестнуть словом, отец — придавить голосом. Я не умею ничем.

Слёзы идут. От стыда идут новые.

Он смотрит.

Не торжествует. Не улыбается. В глазах нет жестокости — одно внимание. Сидит напротив, чуть склонив голову, и не отводит глаз.

Вдыхает. Тихо, глубоко, полной грудью.

И на белые щёки ему сходит краска.

Я перестаю плакать. Сама не знаю почему — просто перестаю, как отдёргивают руку от чужого.

— Зачем я вам?

— Ешь кашу.

Я смотрю на него и не понимаю, что не так.

— У вас лицо порозовело.

Он касается своей щеки двумя пальцами. Коротко, будто проверяет, на месте ли она.

— В палате пар. — Он встаёт. — Я же сказал: люблю пар.

Берёт со стола свечу.

— Каша твоя. Комната наверху, вторая от лестницы, там рубаха. Замков в доме нет ни одного, ты уже проверила. Гуляй где хочешь. К обрыву не подходи, там ветер дурной.

Он идёт к двери. На пороге оборачивается.

— И ещё. Ночью во дворе бывает мой дракон. Пока ты в доме, он тебя не тронет. Но если тебе взбредёт идти к воротам — иди днём. Когда я здесь.

— Вы же говорите, отец не поедет.

— Не поедет. — С удовольствием. — Но напишет. А я терпеть не могу переписку.

Выходит.

Пар над горшком сходит совсем, а я всё сижу. Потом подхожу к узкому окну.

Двор мокрый и пустой. Дождь кончился.

Из темноты у левой стены, где только что не было ничего, тяжело поднимается и поворачивается ко мне зелёная голова.

В доме хлопает наружная дверь. Та, через которую он вышел.

Я стою у окна. Зелёный глаз с вертикальным зрачком смотрит на меня и ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.